

компенсации, обеспечивается социальная защита и поддержка в соответствии с действующим законодательством.

Одним из приоритетных направлений в области социальной политики являются вопросы совершенствования системы социальной поддержки детей, укрепления материально-технической базы, повышения качества предоставленных услуг, внедрения эффективных моделей социальной поддержки семей с детьми.

На сегодняшний день, для семей с детьми оказавшихся в трудной жизненной ситуации, созданы и успешно функционируют государственные социальные учреждения: «Базовый Республиканский детский социально-реабилитационный центр «Радуга», Республиканский социально-реабилитационный центр для несовершеннолетних «Намыс», «Республиканский Центр социальной помощи семье и детям» в Урванском районе, «Республиканский Центр социальной помощи семье и детям в Прохладненском районе», «Социально-реабилитационный центр для несовершеннолетних» в Баксанском районе». В учреждениях созданы благоприятные условия для временного проживания детей, ре-

билитации, а так же умственному, физическому и эмоциональному развитию личности. В Республиканском Центре социальной помощи семье и детям в Урванском районе для оказания консультативной и иной помощи работает «Телефон доверия», функционирует клуб «Гармония», открыта литературная гостиная «Точка зрения».

В целях предотвращения возможных проявлений асоциального поведения, профилактики семейного неблагополучия, беспризорности и безнадзорности в республике отобрана система мер направленная на профилактику правонарушений и наркомании в молодежной среде, проведение мероприятий, направленных на формирование здорового образа жизни, организации досуга подростков.

В соответствии с Программой содействия занятости населения КБР на 2007-2010г.г., несовершеннолетним гражданам республики оказываются весь перечень государственных услуг в области содействия занятости населения. Особое место занимает профориентационная работа с воспитанниками школ-интернатов и детьми подопечными, состоящими на учете в органах опеки и попечительства.

Философские науки

МИР ЧЕЛОВЕКА – МИР ЦЕННОСТЕЙ

Харитоновна Н.Н.

*Стерлитамакская государственная
педагогическая академия
Стерлитамак, Россия*

Мир человека – это мир ценностей. Одни и те же предметы, явления, идеи для разных людей, эпох и культур имеют разную значимость. Для современного цивилизованного человека луна, звезды, огонь не более чем явления природы, для людей первобытной эпохи - живые существа, наделенные духом. Материальное благополучие, земная жизнь, свобода сегодня высоко ценятся в западноевропейской культуре, однако в средневековье они оценивались значительно ниже.

Каждая культура базируется на определенной системе ценностей. Они определяют ориентацию человека и общества, цели и идеалы, образ жизни, смыслы существования, регулируют поведение людей. Ценность не является объективным свойством предметов и явлений, она является характеристикой субъектно-объектных отношений и выражает значимость явлений для субъекта, которая, в свою очередь, зависит от потребностей, интересов, целей, мировоззрения. Мир ценностей велик и многообразен. Кто-то ориентируется на трансцендентные ценности-Бога, спасение, загробную жизнь. Для других эти ценности не более чем пустой звук, для них более значимы ценности земной жизни. На личностном уровне человек сам определяет собственную систему ценностных предпочтений, хотя в этом про-

цессе не все зависит от самого человека, многое определяется эпохой, культурой, в которой человек живет, воспитанием.

На уровне общества ценности представлены в более целостной, стройной и иерархической системе. На этом уровне выясняется, какие ценности разделяются большинством, на что люди ориентируются, чему отдают предпочтение. Система ценностей культуры представляет собой предметное воплощение общественных отношений, выражающих сущность жизнедеятельности данного общества, ее конкретно исторического образа жизни.

Природа ценностей такова, что они телеологичны, т.е. они включают целевые установки. В силу этого ценности часто определяют как социально одобряемые и разделяемые большинством представления о целях жизни. Ценности и цели придают смысл человеческой деятельности и жизни. Система ценностей создает смысловые поля различной напряженности. Человек, побуждаемый поиском смысла своих действий, не может вести себя индифферентно. Он либо принимает существующие смыслы, либо становится к ним в определенную оппозицию, либо пытается найти компромисс. Чем выше уровень духовной культуры, тем разнообразнее ценности и смыслы. Чтобы культура могла обогащаться, она должна быть способной ассимилировать и синтезировать ценности. Поэтому развитые культуры полиморфны и многозначны. Обладая более богатым набором ценностей, они имеют более высокую степень выживаемости.

*Филологические науки***ПОДЛЕЖАЩЕЕ В АБАЗИНСКОМ ЯЗЫКЕ:
СИНТАКСИЧЕСКАЯ ПОЗИЦИЯ И
СПОСОБЫ ВЫРАЖЕНИЯ**

Пазов С.У.

*Карачаево-Черкесский государственный
университет
Карачаевск, Россия*

Современной лингвистической науке известны разные теории относительно того, что есть член предложения и каков его статус внутри коммуникативно-предикативной синтаксической единицы. При определении сути члена предложения при всех своих разногласиях большинство исследователей считает главным функциональную составляющую – одно и то же слово в структуре предложения может быть подлежащим, сказуемым и т.д. в зависимости от синтаксической функции, которую оно выполняет в данном конкретном случае. При определении же статуса члена предложения – главный или второстепенный – между исследователями наблюдаются принципиальные разногласия.

Обобщая существующие основные синтаксические положения по вопросу классификации членов предложения, можно выделить три концепции: а) концепция одновершинности предложения, б) концепция двухвершинности предложения и в) концепция многовершинности предложения.

В традиционной грамматике концепция двухвершинности предложения (наличия двух главных членов – подлежащего и сказуемого) утвердилась давно. Это положение считается основной не только для индоевропейских (в частности, славянских) языков, на материале которых разрабатывалась сама теория о главных и второстепенных членах предложения, но и для иберийско-кавказских, в частности абхазско-адыгских, нормативные грамматики которых разработаны на базе теории двухвершинности простого предложения.

Синтаксической теории известны и другие концепции, в частности, когда главным членом признается только подлежащее (или только сказуемое), и, наоборот, когда к числу главных членов предложения относят прямое (а иногда и косвенное) дополнение.

Концепция одновершинности предложения имеет две разновидности. Первая утверждает, что «подлежащее всегда бывает первичным словом в предложении» [1] и «остается абсолютным или независимым определяемым и уже ни к какому другому слову определяющим не служит» [2].

Ф.Ф. Фортунатов определял подлежащее как самостоятельную по значению часть словосочетания, а сказуемое – как несамостоятельную «часть законченного словосочетания» [3]. Противоположного мнения придерживаются А. А. Хо-

лодович [4], С. Д. Кацнельсон и др. Последний пишет, что «доминантность» сказуемого доказывается в отличие от подлежащего и что «в содержательном плане глагольный предикат – это нечто большее, чем просто лексическое значение. Выражая определенное значение, он в то же время содержит в себе макет будущего предложения» [5]. В абхазско-адыгском языкознании концепция одновершинности предложения (в варианте: только сказуемое является главным членом предложения) встречается в трудах У.С. Зекоха [6].

Противоположностью концепции одновершинности предложения можно считать синтаксическую теорию, которая придает статус главного члена предложения не только подлежащему и сказуемому, но и дополнению (в основном прямому дополнению, но в отдельных случаях и косвенному). Эта теория в той или иной модификации представлена в работах известных лингвистов-кавказоведов Н. Ф. Яковлева и Д. А. Ахамафа [7], З. И. Керашевой [8], Б. Х. Балкарова [9], Р. Н. Клычева [10] и др.

Сложность квалификации тех или иных членов предложения как главных и второстепенных в абхазско-адыгских языках связано, прежде всего, с особенностями эргативной конструкции, и, следовательно, с природой и структурой переходного глагола в этих языках. Не ставя перед собой задачу специального глубокого анализа особенностей различных классификаций членов предложения, отметим, что подлежащее в любой из вышеприведенных концепций признается как один из основных элементов семантической и структурно-грамматической организации предложения. Еще в 30-х годах XX столетия проф. А. Н. Генко, впервые поднимая вопросы синтаксиса абазинского языка, писал, что «в состав его (предложения – С. П.) входят минимально два члена: тот, который выражает собою представление предмета или лица и именуется подлежащим (субъектом) предложения, и тот, который выражает собою представление признака (или совокупности признаков), связываемого с подлежащим, именуется сказуемым...» [11].

Подлежащее в синтаксической теории чаще всего определяется семантически. В наиболее общем выражении это может быть сформулировано так: подлежащим называется член предложения, выражающий субъект (И.И. Мещанинов [12], А. Мартине [13], А.И. Смирницкий [14]). Однако «толкование подлежащего через понятие субъекта есть объяснение одного неизвестного через другое, поскольку само понятие субъекта оказывается размытым и нечетким. Разновидностей субъекта можно найти не меньше, чем типов подлежащего: различают субъекты действия, состояния, чувственного восприятия, а также грамматический, логический, психологический» [15]. Большинство существующих определений